

ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

АНДРЕЙ КУДАН

Андрей Кудан

Первый хранитель. Корни Зеркала

<https://litres.ru/73476751>

SelfPub; 2026

Аннотация

Малайя, 1948 год. Четырнадцатилетний Вонг Мэй — сын мастера-зеркальщика из древнего рода, который веками создаёт зеркала для храмов и богатых домов. У него редкий дар: он видит не лица, а «отражения» людей — их истинные желания, страхи, тайны.

Когда его младшая сестра Лейла исчезает в старинном зеркале, пытаясь «исправить» ссору родителей, Мэй остаётся один с наследием, которое не просил. На стекле прорастает трещина — первый корень Живого Зеркала.

Чтобы спасти сестру, Мэй становится странником и торговцем отражениями. Он кормит зеркало чужими воспоминаниями в обмен на иллюзии счастья. Но с каждым годом трещина растёт, превращаясь в дерево, а надежда тает.

Спустя тридцать лет пути приведут Мэй в провинциальный русский городок, где молодая вдова Елена ждёт рождения первой дочери.

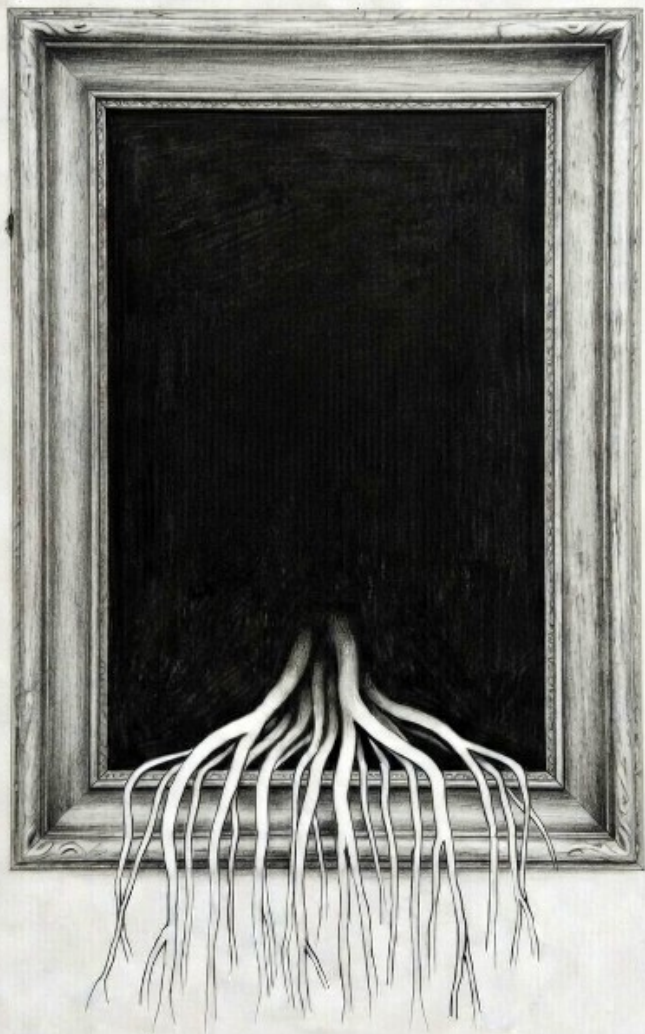
История о том, как рождаются легенды, как боль становится корнями, и как одно зеркало связывает три поколения женщин — Лейлу, Миру и Лилу — сквозь время и пространство.

Содержание

Предыстория романа «Хранители Зеркал» Глава	5
1. Мастерская	
Глава 2. Семейная легенда	9
Глава 3. Трещина	13
Глава 4. Исчезновение	17
Глава 5. Плата	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Кудан
Первый хранитель.
Корни Зеркала

**Предыстория романа «Хранители
Зеркал» Глава 1. Мастерская**

Мэй держал в руках плоскую щётку из конского волоса и смотрел, как отец полирует серебряную амальгаму. В мастерской пахло ртутью, льняным маслом и чем-то сладким, почти цветочным – запахом свежего стекла. Отец называл его «дыханием зеркала».

– Не трогай края, – сказал отец, не оборачиваясь.

Голос тихий, но в нём звучала та непреклонность, которой не посмел бы противиться ни один ученик. Мэй и не собирался. Он просто смотрел, как ловкие руки отца касаются стекла – бережно, словно живого.

– Края помнят тех, кто их делал. Если не готов стать частью истории – не прикасайся.

Мэй кивнул, хотя отец не видел. Ему было четырнадцать, и он уже знал: никогда не будет готов. Не таким, каким был отец. Не таким, каким был дед, чьи зеркала до сих пор висели в храмах по всей Малайе.

Мэй видел слишком много. Он видел то, чего не должен был видеть.

«Отражения».

Не те, что показывают зеркала – поверхностные, мгновенные, лживые. Настоящие. Желания людей, их страхи, тайны, которые они прятали даже от себя. Когда Мэй смотрел на человека, он видел не лицо. Он видел то, что этот человек хотел бы увидеть в зеркале. Идеального себя. Исправленную

жизнь.

– Старший брат! – дверь распахнулась, и в мастерскую вбежала Лейла. – Мама говорит, пора обедать!

Лейле было одиннадцать. Она была полной противоположностью Мэй – шумная, непоседливая, верящая в сказки о зеркалах как о вратах в другие миры. Единственная, кто называл брата по имени, а не «старший брат», как полагалось.

– Иду, – Мэй отложил щётку.

Но перед тем как выйти, бросил взгляд в дальний угол мастерской. Там стояло большое зеркало, накрытое чёрной тканью – той самой, что использовали для похоронных покрывал. Отец никогда не снимал эту ткань. Никогда не полировал это стекло. Никогда не говорил о нём вслух.

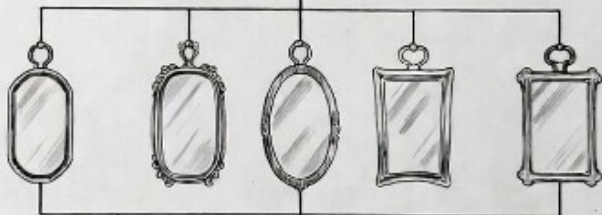
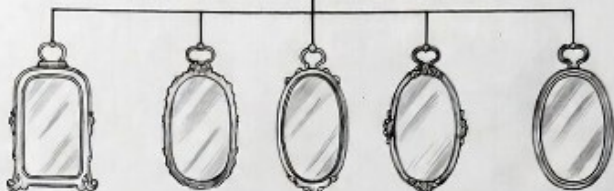
Мэй знал: под тканью – не просто трещина. Под тканью – рана. Корень.

И он чувствовал, как этот корень зовёт его.

Глава 2. Семейная легенда

Праградед
Вонг Суу Мин.
Императорский двор

После обеда Лейла утащила Мэй в сад. Она любила это место – запущенное, дикое, с манговыми деревьями, которые дед посадил ещё до рождения отца. Здесь можно было говорить вслух то, о чём молчали в доме.

– Расскажи про Зеркало Желаний, – попросила Лейла, садясь на корточки у старого колодца. – Про то, что создал прапрадед.

Мэй вздохнул. Эту историю он знал наизусть – отец рассказывал её каждый год в день поминовения предков.

– Прапрадед Вонг Сиу Мин был мастером-зеркальщиком при дворе китайского императора. Он создал зеркало, которое отражало не то, что есть, а то, что должно быть. Из слёз и смолы, из серебра и печали.

– Из слёз? – перебила Лейла, хотя слышала это сотню раз.

– Император потерял сына. Младшего, любимого. И заплатил прапрадеду не золотом – горем. Своими слезами. Слезами жены. Слезами наложниц. Прапрадед смешал их со смолой и серебром – и получилось стекло, которое показывало мальчика живым.

Лейла обхватила колени.

– И что дальше?

Мэй помолчал. Эту часть отец рассказывал реже, и всегда шёпотом.

– Император смотрел в зеркало каждый день. Видел сына,

который рос. Которому исполнилось шестнадцать, двадцать, тридцать. Видел свадьбу, внуков, счастливую старость. А по утрам просыпался – и сын был всё ещё мёртв.

– А потом?

– Император сошёл с ума. Приказал казнить прапрадеда, обвинив в колдовстве. Но прапрадед успел бежать. Привёз зеркало сюда, в Малайю. И спрятал.

Лейла посмотрела на дом. На чердак, где хранились старые вещи.

– Ты думаешь, оно там? – прошептала она.

Мэй не ответил. Но он знал. Знал, что зеркало там. Чувствовал каждый раз, когда проходил мимо лестницы на чердак. Чувствовал, как оно зовёт – не словами, а чем-то глубже. Жаждой. Голодом.

Глава 3. Трещина

В ту ночь она
стала длиннее

В тот вечер родители ссорились.

Мэй слышал их сквозь закрытую дверь – не слова, но интонации. Отец – тихий, сдержанный, как всегда. Мама – громкая, рыдающая. Что-то про деньги. Про будущее. Про то, что невозможно так жить.

Лейла пришла к нему посреди ночи. Она не плакала – была из тех детей, что плачут, только когда их видят. Но глаза покраснели, губы дрожали.

– Они разведутся?

Мэй сел на кровати. Хотел сказать что-то утешительное, но видел слишком много. Видел, как мама смотрит на отца – с любовью, которую не может выразить словами. Видел, как отец смотрит на маму – с виной, которую не может загладить.

– Я не знаю, – сказал он честно.

– А если я сделаю так, чтобы они не ссорились? – Лейла сжала кулаки. – Если найду способ?

– Какой способ?

Она не ответила. Только посмотрела на дверь, на лестницу за ней, на чердак где-то там, вверху.

– Я слышала, как папа говорил с дедом, – прошептала она. – Про зеркало. Про то, что оно может исправлять вещи. Показывать то, что хочешь видеть.

– Лейла, нет, – Мэй вскочил. – Нельзя. Отец сказал – нельзя трогать то зеркало.

– Но если оно может помочь...

– Не поможет! – голос Мэй сорвался. – Оно... оно не то, что ты думаешь. Я чувствую его каждый день. Оно голодное, Лейла. Хочет, чтобы мы смотрели в него. А взамен забирает что-то.

Лейла отступила к двери.

– Ты просто боишься, – сказала она. – Ты всегда боишься.

И ушла.

Мэй не спал всю ночь. Слушал, как скрипят половицы, как ветер гонит листья по крыше, как где-то в глубине дома шевелится что-то древнее. Что-то ждущее.

Утром Лейлы не было в её комнате.

Чёрная ткань на чердаке лежала на полу.

Глава 4. Исчезновение

Айна

Мэй поднялся на чердак первым. Он знал, что увидит, ещё до того, как переступил порог.

Зеркало стояло открытым. Не прислонённое к стене, как раньше, – вертикально, словно дверь. Или портал. Чёрная ткань валялась в комке у ног, будто кто-то сорвал её в спешке.

На стекле появилась трещина.

Не та, что была раньше – маленькая, едва заметная. Эта – длинная, ветвистая, похожая на росток. Корень, пустившийся вглубь стекла, раздвоившийся, пустивший маленькие отростки-почки.

– Лейла! – крикнул Мэй. – Лейла, ты здесь?

Тишина. Но не пустая – наполненная. Словно кто-то слушал. Словно кто-то ждал.

Мэй подошёл ближе. В зеркале он видел своё отражение – но не чёткое, размытое, словно сквозь воду. А за ним – что-то ещё. Тёмный коридор. Лестницу, уходящую вниз.

И голос. Тихий, едва слышный, но узнаваемый.

– Мэй...

– Лейла! – он прижался лбом к стеклу. – Лейла, где ты?

– Я здесь. – Голос доносился, словно из глубины колодца.

– Я исправила, Мэй. Всё исправила. Мама и папа снова вместе. Они смеются. Они...

Голос оборвался.

– Лейла! – Мэй застучал кулаками по стеклу. – Выйди! Выйди оттуда!

Но отражение не менялось. Тёмный коридор оставался тёмным. Лестница – лестницей. И Мэй понял: она не может выйти. Вошла, но не нашла пути назад.

– Я за тобой, – прошептал он. – Я иду.

Он шагнул вперёд, коснулся стекла – и тут услышал голос отца:

– НЕТ!

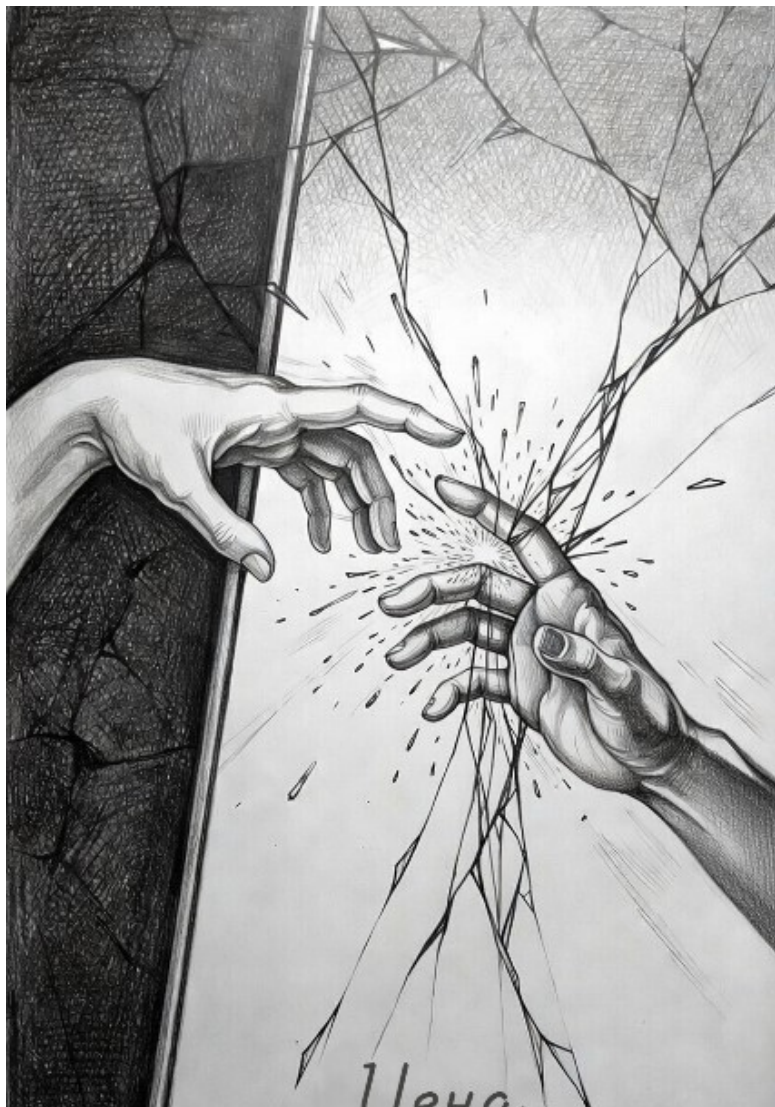
Рука отца схватила его за плечо и отшвырнула назад. Мэй упал на пол, чувствуя, как что-то холодное проходит сквозь него – сквозь кожу, кости, саму душу.

Отец стоял перед зеркалом. Смотрел в него долго, пристально, с выражением, которого Мэй никогда не видел на его лице.

– Лейла, – прошептал отец. – Дочь моя.

И вошёл в зеркало.

Глава 5. Плата

Пленс

Мэй не знал, сколько прошло времени. Минуты? Часы? Он сидел на полу чердака, глядя на зеркало, и ждал.

Трещина росла.

Мэй видел это – не глазами, а чем-то другим. С каждым мгновением корень углублялся в стекло, ветви разветвлялись, почки набухали. Словно кто-то поливал это дерево чем-то живым. Чем-то ценным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.